

УДК 371(09).37.013.2

**Оганнисян Л.А.,
Федотова О.Д.**

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МИКАЭЛА НАЛБАНДЯНА

Ключевые слова: история и теория педагогики, рецепции детства, национальная школа, образование в диаспоре.

Одним из ярких и самобытных представителей российского революционно-демократического движения является известный общественный деятель, поэт и писатель, реформатор армянского литературного языка Микаэл Лазаревич Налбандян (1829–1866). Педагогическое наследие Микаэла Налбандяна, посвятившего значительную часть своего литературного и научного творчества проблемам образования русского и армянского народа, еще не являлось объектом специального педагогического исследования, хотя имя армянского просветителя представлено в Педагогической энциклопедии [2]. В данном издании Микаэл Лазаревич Налбандян характеризуется как армянский революционер-демократ, философ-материалист, зачинатель армянской революционно-демократической мысли, публицист и педагог, поэт, литературный критик. В этой биографической справке не указано место рождения М.Л. Налбандяна, и у читателя может сложиться впечатление, что он является уроженцем Армении, тем более что в статье многократно подчеркивается вклад М.Л. Налбандяна в реформирование армянского языка, его борьба за создание свободной единой Армении, активная деятельность по поддержке национально-освободительного движения Армении.

Следует отметить, что в энциклопедической статье о М.Л. Налбандяне, помещенной в Философском энциклопедическом словаре [3], приводятся несколько вариантов написания его имени и фамилии – в традиционной национальной редакции, не содержащей отчества – Налбандян Микаэл, и русифицированном варианте, часто появлявшемся на страницах революционно-демократической печати, – Налбандов Михаил Лазаревич.

Данный вариант широко представлен в политической литературе XIX и начала XX в. и использовался в личной переписке многих деятелей русского революционного движения, например в письмах М.А. Бакунина, который обращался именно к Налбандову. В данном издании не содержится никаких указаний о социальном происхождении М.Л. Налбандяна, однако достаточно широко приведена информация о месте его рождения, в качестве которого указана «Н. Нахичевань¹, ныне р-н Ростова-на-Дону» [3, с. 385].

Это обстоятельство позволяет предположить, что геокультурный контекст, в рамках которого складывалось мироотношение М.Л. Налбандяна, очень важен для оценки и анализа особенностей формирования его социально-философской и социально-педагогической позиции, для оценки вклада мыслителя в образование как культурный феномен, укорененный в пространстве и времени. Будучи человеком, детство которого прошло в поликультурном пространстве многоконфессионального Юга России, Микаэл Налбандян остро ощущал влияние, которое оказывает образование как сложный социокультурный феномен на формирование мироощущения представителей малой армянской диаспоры. Проблемы формирования личности человека будущего являются неотъемлемой составной частью социально-политического учения российских революционных демократов. Рассмотрение особенностей педагогической позиции Микаэла Налбандяна невозможно без реконструкции опыта ученичества, обретенного им во время обучения в образовательных

учреждениях Нор-Нахичевани – армянского города на пограничной территории Юга Российской империи. В поэтическом творчестве данный период нашел отражение в стихотворении «Дни детства», написанном в 1860 г. и опубликованном в журнале «Юсисапайл». Воспоминания детства связаны в памяти М. Налбандяна со светлыми моментами его жизни, периодом, в котором нет места скорби и грусти:

*«Дни детства, невозвратные, как сон,
Прошли, ушли беспечной чередой.
О легкие, о радостные дни,
Промчавшиеся вешнею водой!»* [5, с. 78]

Рецепции детства, представленные в данном стихотворении, расходятся с оценкой периода детства в работах отечественных исследователей советского периода. В частности, в публикации С.К. Дароняна «Микаэл Налбандян» [1] утверждается, что опыт учения, обретенный М. Налбандяном в стенах школ Нор-Нахичевани, не был однозначно положительным и в значительной мере определил его стремление реформировать не только систему образования и национальную школу, но всю социально-политическую систему в целом.

В поэтике М. Налбандяна, обращенной к воспоминаниям о детстве, в частности в стихотворении «Дни детства», можно проследить специфику его мировоззренческой позиции по ряду методологически значимых вопросов. Его размышления посвящены проблемам определения источников познания вступающего в мир человека, роли личности педагога в учебном процессе, направленности формирующих воздействий, оказываемых различными – реальными и воображаемыми – субъектами культуры и образования, и др. В данном стихотворном тексте с определенной долей

¹ Здесь: Н. Нахичевань – Нор-Нахичевань или Новая (Северная) Нахичевань, в отличие от Нахичевани-на-Араксе. Слово «Нахичевань» переводится как «место обетованное».

условности можно выделить два направления в оценке М. Налбандяном субъектов, оказывающих формирующее влияние на развивающуюся личность молодого человека. С одной стороны, М. Налбандян определяет источником появления новообразований некоторые факторы, представленные на уровне концептуальной эпистемы. Таковыми выступают *нрав, знание* («Младенческую простоту сменив, явилось знание, стал суровей нрав...»), *сознание* («И вслед за тем сознание пришло...»). С другой стороны, агентами изменений являются мифические персонажи, укорененные в традиционный пласт античной европейской культуры («Тогда мне лиру подал Аполлон, чтоб исцелила эту боль она...»).

Анализ субъектного дискурса, представленного в стихотворении «Дни детства», показывает, что он не является доминирующим для автора. В тексте стихотворения местоимение «Я» встречается дважды, отражая и символизируя поворотные моменты в жизни М. Налбандяна. Первый из них поэт связывает с важнейшим этапом своего духовного становления, основное содержание которого составляет появление новых направлений в освоении реалий окружающего мира:

*«Я размышлением наполнил дни,
минуты не оставив для забав...»* [5, с. 78].

Второй значимый момент своей жизни М. Налбандян связывает с осознанием бедственного положения своего народа:

*«И понял я тогда, что эта боль
Дотопле в бедном сердце не пройдет,
Доколе сир, безмолвен, угнетен
В позорном рабстве будет жить народ»*
[там же, с. 79].

Заложенные в юношеских размышлениях представления о справедливости, счастье, равноправии, свободе и достоинстве Микаэл Налбандян с

гордостью пронес через всю свою жизнь. Несмотря на сложный личный опыт ученичества в религиозных образовательных учреждениях, полученный в детстве во время обучения в частных и городских школах Нор-Нахичевани, а также в период обучения на медицинском факультете Московского университета в 1855–1858 гг., мыслитель сохранил глубокое уважение к истинно образованным людям. Об этом свидетельствуют записи в его «Дневнике» [4], публиковавшемся в журнале «Юсисапайл» в 1858–1860 гг. Так, полемизируя с г-ном Исаакянцем по вопросу устройства школ, он обращается к нему со следующими словами: «Мы попросили бы взять на себя небольшой труд ознакомиться с законами педагогики, и вообще было бы неплохо для Вас получить основательное образование в какой-либо добропорядочной школе, ибо бы по милости училища “Нерсесян” далеко не уйдете» [там же, с. 273]. Как следует из данной дневниковой записи, школьные годы и школа как социальный институт полагаются М.Л. Налбандяном важнейшими атрибутами духовного становления. Плохая школа, в отличие от «добропорядочной», т.е. хорошей, формирующей душу ребенка школы, закрепляется им термином *училище «Нерсесян»* по имени католика Нерсеса, закрывшего нор-нахичеванскую школу любимого им учителя Паткияна. Эта запись свидетельствует о глубине душевной травмы, нанесенной ему в детстве.

Школа как колыбель нации является одной из основных тем социально-политического и педагогического творчества Микаэла Налбандяна. Размышляя о судьбах армянского народа, стремящегося к созданию национального государства, он в полемике с противниками данной идеи пишет: «...просим вас не беспокоиться о том, что из-под

руин Армении донесется до вашего слуха справедливая неумолчная жалоба, мол, “какая польза от того, что имею тысячи ученых сынов и т.д.?” Армения знает свой путь и поэтому ни в коем случае не имеет права жаловаться. Армения еще не имеет ученых сынов, которых она вскормила бы своей грудью, – пусть эта воображаемая Армения заблаговременно подготовит родительный дом, где родятся ученые сыны, пусть заготовит молока и хлеба для их вскармливания, и только тогда она получит право сказать: “имею ученых сынов”» [4, с. 271].

Рецепции детства, связанные с проблемами образованности, просвещенности, учености и осмысленные на примере судеб сверстников, обучавшихся в частных религиозных школах Нор-Нахичевани, отражены во многих поэтических, социально-педагогических и философских произведениях Микаэла Налбандяна. Высоко оценивая энциклопедичность знаний и справедливо полагая, что только высокообразованный человек в полной мере способен осознать необходимость изменения мира, создания достойных условий для граждан своей страны, М. Налбандян посвящает данной проблеме стихотворение «Мнение глупцов об учении» [5], написанное предположительно в период с 1850 по 1857 г. В этом стихотворении в острой полемической форме он обсуждает мнения по проблемам оценки роли школы в их духовном становлении, бытующие в умозрении бывших выпускников конфессиональных школ из числа представителей армянской диаспоры. М. Налбандян дает априорную оценку их позиции, определяя их «глупцами», и приводит аргументы, которыми они оперируют при рассмотрении вопроса о том, насколько выгодно получать образование.

Фабула стихотворения «Мнение глупцов об учении» сводится к тому, что богатый, преуспевающий торговец рассуждает о том, как следует относиться к людям, посвятившим свою жизнь чтению книг или изучению наук, оценивает их жизнь своей меркой и дает им советы. Определить позицию этого человека по данным вопросам можно в случае, если установить языковые маркеры, определяющие специфику его оценки. Рассмотрим содержание данного стихотворения по нескольким педагогически значимым тематическим линиям.

1. Категории анализа «ученый – неуч». В стихотворении можно выделить несколько значимых коннотаций, характеризующих вышеотмеченные концепты. Проведение контент-аналитического исследования позволяет на основе подсчета частотности употребленных слов-маркеров определить, какое место в сознании субъекта занимают данные понятия. Определив смысловые единицы, отнесем к категориям анализа «ученый» и «неуч» все понятия, являющиеся их индикаторами, в том числе имеющие процессуальную направленность, и на основе статистической обработки представим результаты на рис. 1.

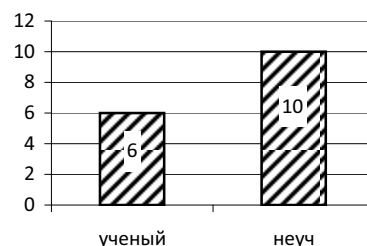

Рис. 1. Полигон распределений позиций «ученый – неуч» в стихотворении М. Налбандяна «Мнение глупцов об учении»

Как показано на рисунке, позиция «неуч» представлена более рельефно, чем концепт «ученый». Содержа-

тельная интерпретация слов-маркеров позволяет установить, что концепт «неуч» включает следующие единицы: *неуч, профан, ага, вельможа, я*. К концепту «ученый» относятся *грамотей, ученый, философ, магистр философии*. В целом данные концепты представлены достаточно широким спектром понятий, имеющих коннотационный смысл и несущих оттенки иронии и самоиронии.

2. Категории анализа «ученость – неученость». Рассмотрение данных позиций в варианте, включающем процессуальные моменты, их определяющие, позволяет на основе подсчета единиц анализа «учение – ученый – неуч» представить данные на рис. 2.

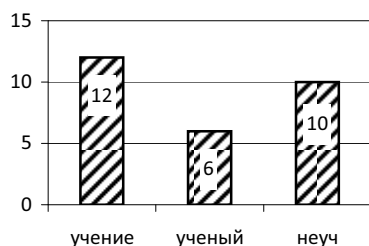

Рис. 2. Полигон распределений позиций «учение – ученый – неуч» в стихотворении М. Налбандяна «Мнение глупцов об учении»

Анализ текста стихотворения позволяет установить, что к концепту «учение», составляющему дополнительную категорию анализа, относятся слова-маркеры *книга, знания, учение, знать, опыт, корпеть, не знать сна*. Обращает на себя внимание тот факт, что для человека, принципиально относящего себя к категории «неуч», он оперирует достаточно широким спектром понятий, включающим не только общеупотребительные понятия, в том числе используемые на бытовом уровне (*книга, читать, писать, учение, корпеть, не знать сна*), но и философские понятия, имеющие методологическую направленность (*знания, опыт*).

Подсчет частотности представленности понятий по позициям «ученость – неученость» (соответственно 36 и 64%) позволяет утверждать, что тот, кого М. Налбандян называет «глупцом», при изложении своей жизненной позиции в большей степени употребляет термины, относящиеся в категории «ученость». Их содержательная наполняемость позволяет говорить о наличии широкого семантического ряда, разносторонне характеризующего данные концепты. Это ставит под сомнение возможность характеристики «неуча» как человека глупого, ничего не понимающего в жизни. Из текста стихотворения следует, что этот человек сознательно реализует свою жизненную философию, которая направлена на приспособление к правилам игры, принятым в обществе, соблюдение которых определяет успешность субъекта. Об этом свидетельствуют следующие утверждения: «Что толку думать о вещах, коль не достать до них руками?», «Житейский опыт, грамотей, нам заменяет знаний тьмы...», «Грамотеям грош цена...», «Мы любим деньги – сиречь жизнь...», «В моем кармане золотой выводит тысячи цыплят», «Есть деньги – все приобретешь...» и др.

Влияние религиозного воспитания, полученного в школе, характеризуется М. Налбандяном как сформированная установка, ни имеющая ничего общего с истинно христианскими ценностями. В стихотворении отчетливо прослеживается вложенная в уста «неуча» идея о том, что внешне исполняемая религиозность является важным фактором, помогающим хорошо устроиться в жизни.

«Какой ученый в наши дни
Благоговееет перед богом,
Смирненно ходит в божий храм,
Постится искренне и строго?»

*Каноны церкви коль тебе
Уже не нравятся, то скоро
Ты протестантом прослывешь
И удостоишься позора» [5, с. 59].*

«Глупец и неуч», от имени которого производится оценка мира образованных людей, не глуп и совсем не прост. Он смело иронизирует над церковным каноном, проводя различия между истинной и формальной религиозностью, ориентируясь в ветвях христианства и учитывая оценку григорианской церковью протестантизма как западноевропейского течения, получающего все большее распространение на юге России, различает контексты социально одобряемой репрезентации поведения, умеет с прибылью вести свои дела, знает экономические механизмы приращения капитала. Он может быть охарактеризован как умный циник-эпикурец, предпочитающий личное благо и не дающий себе труда задумываться над социально-политической ситуацией, поставившей народ в угнетенное положение. Однако именно размышления не о личном благе, а о благе народа, стремление к социальному действию,

улучшающему жизнь трудящихся, оцениваются М. Налбандяном как точки истинно духовного роста, возвышающего истинного гражданина над расчетливым и циничным устройством личного благополучия.

Различные аспекты опыта ученичества и их рефлексивная оценка сформировали духовный мир М.Л. Налбандяна, позволили ему впоследствии сформулировать собственную социально-политическую стратегию, которую он последовательно претворил в жизнь, возвысив свой голос против социальной несправедливости.

Литература

1. Даронян, С.К. Микаэл Налбандян / С.К. Даронян. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. Налбандян М.Л. // Педагогическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. С. 31–32.
3. Налбандян М.Л. // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 385–386.
4. Налбандян, М.Л. Дневник. Из ежедневных записей графа Эммануэля / М.Л. Налбандян // Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1954. С. 261–345.
5. Налбандян, М.Л. Стихотворения / М.Л. Налбандян. М.: Советская литература, 1967.